

«Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить; противостойте ему твердою верою».

(1 Петр. 5:8-9)

« Все противное истине составлено из самой истины по действию духов лжи».

Тертулиан

УТВЕРЖДЕНИЕ ИСТИНЫ

ВВЕРХ КОРНЯМИ

ОТВЕТ ПРАВОСЛАВНОГО ПСИХОЛОГА

Чтобы правильно ответить на поставленный вопрос, следует учитывать два момента. Во-первых, многое зависит от личности самого вопрошающего, а во-вторых, следует признать, что проблема действительно существует, и нужно научиться ее решать.

Распространенная ошибка неопита — считать всех верующих людей святыми. Это бывает в период "первой любви", когда все видится в розовом свете, молитва журчит ручьем, все духовные цели кажутся близкими и легко достижимыми. Поскольку нет ещё опыта и элементарного чутья, любой душевный подъем воспринимается, как искра благодати. На это указывали многие духовные писатели.

Чаще всего уже с первых шагов в храм верующий узнает о великом значении смирения. Однако смирение — это дар Божий, приобретаемый после многолетнего подвига. Гораздо легче освоить определенные правила и ритуалы, стандартные фразы, которые помогут показать себя "своим" человеком.

В любой общине, к сожалению, есть люди, которые так и не вышли из периода "религиозного детства". Действие призывающей благодати ими уже утрачено, а духовный опыт еще не приобретен. Многие так и остаются в состоянии некоего инфантилизма. На этой почве пыльным цветом произрастают различные психопатологические явления. Наш герой, возможно, встретился с группой прихожан именно такого свойства. Они крепко держатся за внешнюю, ритуально-обрядовую сторону Православия, не осознавая, что при всей ее значимости есть более глубокие пласты.

Любой выход, за рамки ритуала воспринимается группой, как бунт. Такого беглеца быстро усмиряют, а если он не поддается, то изгоняют из группы. Налицо групповой стереотип поведения, как результат коллективной несвободы от существующих установок. Отличительная черта таких стереотипов — их всеобщее почитание, культивирование и навязывание.

Даже при беглом знакомстве с творениями Святых Отцов заметно, что они в один голос утверждают: самый тяжелый грех — гордыня, самая высокая добродетель — смирение. И вот новые члены общины, еще незрелые духовно, пребывают в постоянном стремлении (иногда доходящем до навязчивых, тревожных состояний) не выделиться своим несмирением и отличиться смиренном.

Так распространенным стереотипом является мнение, что выражает свои желания и предпочтения — это грех. Приведем наглядный пример.

В сторожке при храме собрались верующие для общей трапезы. Одного из собравшихся спрашивают: "Вы кашу как едите — с маслом или без?" Следует ответ: "Как благословите".

Конечно, подобный ответ чаще всего рождается не из глубокого внутреннего чувства смирения, как это бывало у подвижников благочестия. В данном случае человек движет боязнь осуждения окружающими. Причём дома или в какой-то иной обстановке тот же самый человек весьма активно и конкретно выражает свои вкусы и предпочтения, нередко даже отстаивая их в споре. Но здесь — другое дело! Кстати, данный человек не задумывается о том, что таким ответом ставит в трудное положение того, кто предложил ему масло.

У митр. Антония (Блума) в книге "Три беседы о Церкви" есть хорошая иллюстрация к этой теме. Как-то к нему приехал Никодим (Ротов), тогда ещё архимандрит. На все вопросы владыки: "Хотите лимона? Вам чай с сахаром? Положить Вам варенье?" он отвечал стандартной фразой: "Как благословите". В конце концов митр. Антоний не выдержал и сказал: "Отче Никодим, я Вас благословляю правду сказать!"

Игумен Евмений (Перистый) считает подобные ответы проявлением безответственности. "Для того чтобы найти оправдание безответственности, собственное нежелание отвечать за свои мысли, действия, поступки, среди церковных людей существует очень интересное оправдание. Человек, не желающий ответственно принимать решение, ответственно жить, находит в замечательном и глубоко духовном принципе послушания оправдание собственной безответственности. В современной церковной среде это вылилось в классическую формулу: "Как благословите..." И здесь важно понять: когда речь идет действительно о послушании, а когда о нежелании

принимать ответственность за то или иное решение.

За словами "Как благословите" (сами-то слова прекрасны, постановка вопроса прекрасна!) очень часто прячется просто нежелание самому решать, самому думать. Поэтому, если посмотреть на судьбу современных пастырей, то чаще всего целыми днями они занимаются тем, что направо и налево решают вопросы своих пасомых, не имеющие никакого отношения к собственно духовной жизни. Нередко можно увидеть духовных чад, "повисших" на духовниках. Вопросы их личной жизни, по их убеждению, должны решать пастыри, постольку, поскольку под предлогом "жизни в полном послушании" те совершенно разучились брать на себя ответственность.

В современной церковной среде мы нередко видим людей, которые без устали повторяют "как благословите", пряча за этими словами свое нежелание брать ответственность за собственную жизнь, за собственные действия и поступки.

Истинное чувство смирения в подобных ситуациях праведные люди проявляли иначе. Когда новоназначенные слишком пытаются преуспеть в смиренности или другой добродетели (внешней, конечно), результат бывает плачевным. Слишком уж часто придумываются правила внешнего поведения с единственной целью: убедить себя и окружающих в собственной духовной "продвинутиости". У Святых Отцов, в частности у свт. Игнатия (Брянчанинова), смирение понимается совсем иначе. Это прежде всего умение быть снисходительным к немощам и недостаткам ближних, великодушно переносить обиды, оказывать всевозможные услуги и т.п.

«Смирение — ненависть к похвале человеческой, правота и прямота, оставление словоуправления».

Однако многим новоназначенным запоминаются не эти слова, а житийный расказ о послушнике, который по благословению старца сажал капустную рассаду вверх корнем. К этой знаменитой капусте мы ещё вернёмся, а сейчас поговорим о том, что имеет самое непосредственное отношение к психологии. Мы уже отметили быстро растущий темп невротизации населения. В основе большинства невротозов лежит конфликт между притязаниями ("я хочу"), "мне надо" и возможностью их реализации. То, чем человек хотел бы себя видеть, чем хотел бы обладать, не всегда достижимо в реальной жизни. Для любого невротика ценны внешние "подпорки" — для каждого свои: кто-то напряженно ожидает одобрения, похвалы; кто-то не менее сильно боится порицания, столкновения. В любом случае, если невротизация окраску словно хамелеон, и поддается под "православный" цвет, все равно это будет болезнь, жалкое подобие подлинной добродетели. Невротик "смирится" карикатурно: жеманничает, заносится, ищет особых обстоятельств (кто-то должен заметить его смирение!). Другая печальная пародия на смирение — невротический страх, нерешительность, навязчивое самокопание, боязнь свободы, "открытых просторств" духовной жизни.

Быть может, мы все слишком мало ценим свою свободу. Но ещё ценит Бог, не насылающий волю человека, но дающий ему возможность выбирать. Только выбрать мы должны именно то, что приводит к вечной жизни. Вспомним слова Апостола Павла: "Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною" (Кор. 6, 12).

Эта свобода может быть страшнее любой тюрьмы для человека, стремящегося на каждом явлении повесить ярлык с надписью: "хорошо" или "плохо". Отсюда желание регламентировать свою жизнь, максимально ограничить внешне, замкнуться, чтобы как можно реже попадать в мучительное состояние выбора. Зависимость человека может проявлять себя в самых необычных формах, в частности, в виде созависимости. О ней можно говорить, когда человек "принижает себя перед кем-либо, стремится к сохранению существующего уклада, в котором находит парадоксальное самоутверждение". Такой человек принимает на себя роль жертвы, порой страдая физически, находя в этом удовлетворение. Порой он видит в этом собственное предназначение. При этом "внешне иногда такого рода поведение маскируется под христианский образ смирения, жертвенности, служения и любви".

Обрядовость — вот яви мощнейшему течению в современном Православии. И относится это не только к людям, которые приходят в церковь три раза в год: на Крещение — за святой водой, на Вербное Воскресение — за вербой и на Пасху — освятить кулич и яйца. Многие из нас ходят в храм регулярно, исповедуются, причащаются, читают массу книг, но при этом жизнь полагают на то, чтобы культивировать в себе комплекс внутренней несвободы.

Наиболее ярко это видно на примере церковного поста. Очень важными оказываются внешние обстоятельства: сколько раз в день есть, что именно, сколько раз в неделю ходить на службы и какие именно, какие

"Я разочаровался в верующих. Этим людям дано так много, но они далеко не соответствуют высоте полученного дара. С тех пор, как я стал ходить в церковь, я не встретил ни одного нормального человека. Даже самое простое, умение слушать — где оно? Такое впечатление, что эти люди слушают только самих себя, они наполнены чрезвычайной значимостью событий, в том числе происходящих внутри них самих. Они постоянно выискивают и обсуждают "искушения", "кресты", трудности. Охвачены собственными проблемами настолько, что удивляешься тому, как они зашорены. Оглянуться, посмотреть вокруг, вдохнуть воздух полной грудью, — всё это невообразимо трудно для них. Приходя в Церковь, я хотел обрести внутреннюю свободу, но встретился с огромным количеством ограничений, предписаний, обрядов и обычаев, которые свято чтутся верующими людьми. Невыполнение малейшего из них грозит самыми настоящими гонениями. Причем гонения со стороны верующих, "мнящих творить службу Богу" (Ин. 16, 2), как я мог убедиться, носят утонченный и просто невыносимый характер.

От многократного отеческих книг у таких людей возникает острое чутье на грех и неправду. Однако отсутствие смирения обращает это искание правды не внутрь себя, а наружу, превращаясь в рассматривание ближнего, как в анатомическом театре. Я всё время ощущаю слезу: "Тут он поступил не по смирению. Здесь в нём говорит тщеславие. Он нарушил пост: надо его обличить"...

Эта атмосфера слезки и придирок очень мелочна и тягостна. Я не хочу отворачиваться от Бога, но с такими "верующими" мне тяжелее, чем с обычными нецерковными людьми. Это невольно отталкивает меня от общения с ними, от их непрерывных разговоров про батюшек, матушек, чёточки, молитовки и святые места. Каков же выход? Что предпринять в такой ситуации?"

акафисты читать дополнительно. Но если поинтересоваться: «Зачем пост Вам лично? Что Вы от него ждете? Какова духовная цель поста?», можно услышать ответ: «Пост — церковное установление», или другой ответ, где причина смешана со следствием.

Другой пример — путешествия по святым местам. Помимо великой важности православного почитания святых, их мощей, иконопочитания и т.п., паломничества — это ещё и своеобразный духовный подвиг. Человек отрывается от привычного места, вступает в контакт с неизвестными людьми, переносит тяготы дороги. Однако при этом он должен сохранить в уме — молитву, в сердце — любовь к святыне, уважение к окружающим людям, прибыть к святому месту с тишиной душевной и благоговением. Свт. Феофан строго предупреждал неумных "паломников": "Искушения здесь (то есть дома) поодионок нападают, в дороге будут нападать десятками, а в Иерусалиме — сотнями". Видимо, многих людей интересует не конечный результат паломничества, а "сам процесс". Цель меняется местами со средствами её достижения. Не следует забывать, что даже самое святое место на Земле не гарантирует спасения. "В душе надо Афон строить", — советует свт. Феофан.

Церковный календарь с его четким расписанием праздников, чередованием постов и мясоедов, дней светлой печали и покаяния с днями ликования и торжества, представляет собой уникальную возможность утления структурного голода.

Однако здесь может таиться опасность. Бывает, что вместо высокой духовной свободы, которая обретается в процессе добровольного подчинения требованиям церковного календаря, человек находит удачный повод зажать себя в прокрустово ложе ритуала. Вместо таинственного единения, завещанного Апостолом: "Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими" (Рим. 12, 15), получается киношное "все побежали, и я побежал". Удобно сознать себя членом организованной массы, которая в определенный день дружно выдвигается на освящение куличей, в назначенный час придёт в храм в голубых (зеленых, красных...) косынках, и т.п. Мы знаем всё на год вперед, каждый день уложен в рамки церковного обряда, который, к сожалению, может затмевать собой Таинство.

Именно потому стирается для нас подлинное значение церковных праздников так, будто они касаются нас непосредственно. "Можно подходить к каждому празднику, спрашивая себя: где здесь мое место? Каково суждение обо мне принесит мне этот праздник? Спасение или погубит? И если не спасение, то что мне надо сделать, чтобы оказаться в царстве жизни, а не в царстве смерти?"

Наверное, действительно проще смириться таким экзотическим способом, как посадка капусты вверх корнем, чем терпеливым перенесением выговоров и колотей, не только без ответов словом и делом, но и с искренней молитвой за выговаривающего. Неопытные пастыри, сами понимающие смирение как безропотное подчинение, нередко укрепляют людей в этом заблуждении. Бывает, что пастырь рассуждает примерно так: "Эти люди неопытны, уж я возьму на себя такой крест — думать за них, а они будут выполнять мои мудрые советы и двигаться по пути спасения".

На первых порах такая изолированность и ритуализированность может играть некоторую положительную роль. Снова уточним, что речь идёт не о благодатной изолированности человека от греховного мира, а о ситуации, когда человек, не изжив страсти, замыкается в кругу церковной терминологии и обрядов. Таким образом может протекать период адаптации, подготовки человека к дальнейшему росту. Согласно святоотеческому учению, грех, "срастаясь" с человеком, переходит в греховный навык, изживание которого составляет длительный и мучительный процесс.

Новообращённому важно не задержаться на этом этапе, не погрязнуть в бесконечном смаковании собственных "искушений", в поисках особой святости, в ритуалах и паломничествах. Религиозная жизнь современного православного верующего может дать множество поводов для этого. Хорошо, если опытный пастырь твёрдой рукой и горячим сердцем сумеет провести неопита сквозь все препоны к источни-

ку воды живой.

Человек, входящий в Церковь, не без удивления для себя замечает, что путь веры почему-то заменяется у многих слепым следованием авторитету какой-либо личности или мнению группы. Невольно он вливается в этот общий поток. Но "если он и останется при этой форме верования, то религия духа останется недоступной". Эти люди так и не перерастают, по слову И.А. Ильина, "религиозного детства".

Следует признать исключительную важность всего внешнего в христианстве, но при условии наполненности этой формы (сосуда) духовным смыслом. При этом следует избегать другой крайности, в которую зачастую впадают верующие люди. Мы имеем в виду почти органическое неприятие обрядовой, внешней стороны Православия.

Всякий церковный обряд, всякое действие, употребляемое при совершении Таинства, является внешней формой, неизменно насыщенной глубочайшим внутренним смыслом. Плоть человеческая со всеми совершаемыми движениями также представляет собой пустую форму, сосуд, который предстоит наполнить. "Тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Который имеет от Бога" (1 Кор. 6, 19). Если бы это уже было исполнено в каждом человеке, церковный обряд приобрёл бы такую прозрачность, что из него сквозила бы неизяснимая животворящая благодать Божия. При этом внешняя форма не исчезает и не растворяется, а только просветляется.

Так учение Православной Церкви преодолевает две крайности отношения к внешнему и материальному, абсолютизации и принижению, выбирая "золотую середину". Отсюда и вполне определённые психологические выводы. Душевные проявления человека (воля, чувства, память и т.д.) не изучались Святыми Отцами отдельно от целостной человеческой природы. "Эти явления, если и привлекали к себе внимание, то только как символы иного бытия, как отображения вечной жизни Самого Божества".

Еще одна из крайних тенденций, которую приходилось замечать в среде православных ревнителей, — полное отрицание достижений науки, любого внешнего знания, будто бы все это наполнено антихристианским смыслом. Еще не затих ажиотаж вокруг компьютеров и штрих-кодов, а на горизонте уже появляются новые объекты для борьбы.

Приведем по памяти один случай, описанный у прот. Димитрия Дудко. Во времена, когда автомобиль был еще редкостью, один из прихожан, увидев проезжающую легковую автомашину, обратился к пожилому священнику со словами:

— Смотрите, батюшка, на бесе едет!

— Это хорошо, — последовал ответ, — хуже, когда бес на человеке катается.

В наши задачи не входит обсуждение взаимодействия науки и христианства. С точки зрения психологии, в этих ситуациях заметна тенденция к поиску внешнего врага, что отвлекает силы души от трезвения и борьбы с грехом. Образ внешнего врага легко найти в последние времена, действительно избыточные примеры отступления от истины. Руководствуясь этим, легко прийти к отрицанию любой образованности, технических средств, человеческих знаний, да и "светских" книг вообще. Нежелание напрягать собственные извилины приводит к воинственному отношению к светской учености. О таковых отно. Григорий Богослов писал:

"Недолжно унижать ученость, как некоторые делают, но нужно признать глупым и необразованным того, кто, придерживаясь такого мнения, ждал бы, чтобы все были подобны им, чтобы в общей массе была незаметна их собственная глупость и чтобы избежать обличения в невежестве".

Материал взят из книги «А. С. Бочарова, А. В. Чернышев "Очерки современной церковной психологии"».